

СТАЛИН ЕЩЕ НЕ УМЕР?

Сегодня — в день 40-летия смерти Сталина — в столичном киноvideоцентре «Москва» состоится просмотр картины «Закон». Хотя премьера, строго говоря, имела место полтора года назад. Фильм снимался, естественно, еще раньше. Киносценарий «Закона» был написан почти 30 лет назад Л. Зориним, А. Аловым и В. Наумовым. О некоторых фрагментах «биографии» киноленты по просьбе корреспондента «Труда» рассказывает режиссер картины, руководитель творческого кинообъединения «Союз», народный артист России Владимир Наумович НАУМОВ.

— Идея сделать этот фильм была вызвана хрущевской «оттепелью», когда впервые стали говорить о сталинских репрессиях открыто, когда вернулись выжившие из гулаговских лагерей. Однако картину немедленно закрыли.

— Кто? Каким образом? — Хотите, чтобы я назвал фамилии? Не знаю. Могу указать только точный адрес — Старая площадь, куда прежде всего поступали все сценарии и готовые кинофильмы. У нас дома — доберман, очень хорошая собака. Она генетически настроена на то, как бы чего не вышло. Когда за дверью что-то или кто-то шелухнется, доберман сразу весь напрягается. Приблизительно так функционировал не только ЦК КПСС, но и весь административно-командный аппарат, курировавший культуру. Получив «Закон», они всерьез напряглись, начав долго его изучать. И сценарий как-то «рассосался» по коридорам и кабинетам. Расстаял, словно мираж. Непонятно, кто его «закрывал», каким образом, с какой формулировкой. Картина «выпала в осадок».

— Давайте поговорим подробнее об эпизоде фильма, где речь идет о смерти Сталина.

— Естественно, сценарий с 1964 года претерпел изменения. Ведь тогда мы многого не знали.

Есть разные версии относительно того, что случилось 5 марта 1953 года. Авторханов, в частности, считает, что его отравил Берия. Не думаю, что это так и было, хотя не располагаю никакими фактами и документами. К Сталину можно было войти только в определенные моменты, еду приносили по часам и минутам, во внеурочное время никто его не мог беспокоить... Обнародованные ныне факты подтвердили наши тогдашние догадки. Один эпизод из сценария почти 30-летней давности, немного наивный и символический, именно поэтому я и не стал снимать.

Ночью часовой, биография которого укладывалась в одну страничку, кристально чистый и проверенный со всех сторон, стоял на посту, охраняя покой вождя. Вдруг он услышал какой-то странный шум, но часовой даже не шевельнулся, не сдвинулся с места, хотя промелькнула ужасная мысль. Он не имел права ни при каких обстоятельствах принимать самостоятельные решения. Часовой должен был ждать, пока появится его непосредственный начальник, а там, за дверью, умирал человек, лишенный всякой помощи, хотя ее и можно было ему оказать. Так Система, которую десятилетиями создавал Сталин, обернулась против него самого.

— Как вы попытались снять эпизод смерти Иосифа?

— Мы поняли, что этот локальный фрагмент на фоне времени превратился в символический. Бытовые подробности, детали и мелочи, на мой взгляд, дают правду в искусстве. Эту особую атмосферу мы постарались найти на даче Сталина в Кунцево, где он умер и где нам, первым среди кинематографистов, довелось снимать. После нас здесь уже работали американские коллеги. В частности, Роберт Дюваль, игравший Сталина в одноименной картине, — тот

самый, запомнившийся нашим зрителям по «Крестному отцу».

Мы попали туда вечером, потрясая хмурым. Рядом с самой дачей оказался маленький низкий забор, перекрывавший окна сталинской спальни. Вообще место, по-моему, как и человек, имеет свою память, оно сохраняет события, ауру того, что здесь происходило. Когда мы появились здесь, всю съемочную группу охватило какое-то ощущение тревоги. Все почему-то говорили вполголоса. Особенно когда увидели маленький стеклянный, какой-то странной формы лифт на одного человека. Видимо, остальные посетители дачи сами поднимались на второй этаж. Рядом — оранжевый; где-то далеко — бильярдная. Рассказывали, что здесь есть выход из метро. Но не в этом была суть.

— Какие эпизоды сценария и фильма, на ваш взгляд, сконцентрированно отражают неоднозначный образ Сталина и его окружения накануне 5 марта 1953 года?

— Прежде всего я «убрал» того часового — символический кусок вчерашнего времени. Меня интересовало, как остановились часы, когда упал Сталин, как возникла у обслуживающего персонала тревога, когда все почувствовали, что нарушилось течение этого давно заведенного механизма... Был эпизод, когда по коридору дачи шел начальник охраны. Подойдя к спальне, он снял сапоги. Вышел Сталин. Увидев офицера в носках, спросил о его «неустанном» виде: «Скрипят, они новые, товарищ Сталин» — «Надень сапоги» — «Слушаюсь, товарищ Сталин». Между прочим, офицера могли и расстрелять.

Сняли еще один эпизод, которого наверняка не было в реальной жизни. Когда Берия, войдя в спальню после смерти Сталина, открыл тумбочку (там такая примитивная мебель), поднял подушку, взял шерстяной носок и понохал его: «Странно, человека уже нет, а пахнет».

— В монтажных листах, Владимир Наумович, этот фрагмент выглядит так:

Сталин: Лаврентий...

Берия: Да, товарищ Сталин. Сталин: Что ты все время бегаешь глазами? Дай пенсне. Давно хочу проверить... Садись. Эх, Лаврентий, жулик, хитрец. А стекла-то, стеклышки-то простые...

Хрущев: Как?

Сталин: Оконные.

Хрущев: Как простые?

Сталин: Лунавишь ты, Лаврентий, народ обманываешь. Обманывать нехорошо. Возьми. Не надо вынимать! Мешай. Так пей.

Берия: Вынуть можно?

Сталин: Нельзя. Продолжай пить.

— Вы заметили, что Сталин любил унизать, включая людей своего окружения, даже когда они накануне его смерти пили, гуляли. Ведь он в этом нереальном эпизоде заставил Берия мешать чай декоративным пенсне, а его «нехорошо» звучит на грани смертного приговора. И вот этот самый грозный в стране человек, которого все боялись, выглядит в данном предсмертном фрагменте как жалкая, побитая собака перед Сталиным. И одновременно в нем зреет какая-то ненависть к Хозяину.

— В чем был феномен похорон Сталина, точнее, той массы, которая двинулась вслед за гробом тирана, что можно увидеть в «Закоме»?

— Мы хотели показать фон, страну, где жили наши герои. Им выпал жребий родиться и жить рядом со всей этой монстриадой. А Сталин, даже мертвый, тянул за собой их. Знаете, в Древнем Египте в могилу фараона опускали убитых вместе с ним верных жен, детей, слуг, собак, лошадей, туда же клали даже колесницы... Сталин, уходя, образовал гигантскую воронку, которая втянула вместе с ним огромное количество невинных, несчастных людей, проживших всю жизнь с верой в вождя.

— «Закон» вы снимали задолго до известной картины Евтушенко о похоронах Сталина. Ваше наиболее сильное личное впечатление от того мартовского дня.

— После похорон. Галоши... Меня же поразили разбросанные по всей Москве боты и галоши. Рассказывают, таксисты собирали их попарно по всей столице, чтобы потом слать их в комиссионки. По этому поводу в «Закоме» есть эпизод. Когда после смертельной давки уже вокруг никого нет. Пустой двор. В луже лежит портрет Сталина — один из тысяч и тысяч, которые несли в руках чуть ли не все. Кто пришел на похороны. Вдруг появился страшная, безумная, простоволосая женщина, которая голосит на всю округу. Когда увидела портрет, зарыдала еще сильнее, вытащила его из лужи, а с портрета стекает грязь. Слышны причитания по тому, кто, собственно говоря, просто не успел убить ее или ее близких.

То, что смерть Сталина — воронка, совершенно очевидно. Но страшно, мне кажется, и другое — эта воронка до сих пор действует. Во всяком случае, этот жуткий водоворот усиливается: Сталин как бы продолжает оттуда затягивать нас к себе. Ведь в каждом из нас «сидит» это время — мы не свободны от давления времени, как рыба не свободна от того, что вокруг вода.

Как режиссер скажу, что снимать фильм о смерти Сталина очень интересно. Я пока не видел картину Дюваля, но он тщательно расспрашивал меня о даче в Кунцево. Когда встретились еще раз, Дюваль переезжал из «Президент-отеля» с чемоданами на дачу Сталина.

— Не обидно: ведь вы первым туда попали в качестве режиссера, могли бы и пожить, как этот американец?

— Кто бы мне разрешил? За два года до «поселения» там Дюваля я звонил Кручини, тогдашнему управделами ЦК КПСС, который отказывал, сославшись на текущий там ремонт. Со своими товарищами я решил проскочить туда, так сказать, дикарем. Удивлению Кручины не было предела, когда я ему сообщил о нашей «экскурсии». Наконец-то разрешили снимать в Кунцево, но внутрь — ни шагу. Но куда там...

— Вы говорили об особой даче, а запах смерти Сталина, простите, там сохранился?

— Я бы так не сказал. Осталось его присутствие, какая-то магнетическая атмосфера, даже особый климат. Смерть как смерть. У нас она получилась гротескная, сумасшедшая. Может, время такое? И то, в 1953-м, и нынешнее.